

УДК 81'37

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Горовая И.Г.

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»,
Оренбург, e-mail: nik1965@yandex.ru

В статье рассматривается один из вариантов интерпретации смысла художественного текста посредством выявления имплицитных возможностей семантического и стилистического использования окказионализмов, функционирующих в романе А.И. Солженицына «Красное колесо». Смысл текста – это результат писательской рефлексии и ассоциативной деятельности читателя. Путь, который проходит читатель при восприятии текста, – это путь от понимания прямого «поверхностного» значения до понимания «глубинного» значения и осознания смысла текста. Окказионализмы не терпят буквального толкования. Их семантика «растворяется» в контексте, содержащем актуализаторы окказионального значения. Читатель в этом случае выступает как соавтор, потому что понять глубинный смысл, заложенный в тексте и вербализованный в окказионализме, можно только научившись собирать этот смысл по крупицам. Интерпретация, связанная с процессом восприятия, выступает в этом случае как элемент художественной деятельности.

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, контекст, смысл, окказионализм, актуализаторы окказионального значения

TO THE QUESTION ABOUT THE MECHANISM OF INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT

Gorovaya I.G.

Federal State Educational Government-financed Institution of Higher Professional Education
«Orenburg State University», Orenburg, e-mail: nik1965@yandex.ru

The article considers one of the interpretations of the meaning of a literary text by identifying implicit semantic and stylistic possibilities of the use of nonce words, functioning in A.I. Solzhenitsyn's novel «Red wheel». The meaning of the text is the result of a writer's reflection and associative activity of the reader. The path that passes by the reader during the reading of the text is the path from understanding direct «surface» values to understanding the «deep» meaning and understanding of the meaning of the text. The nonce words do not tolerate literal interpretation. Their semantics is «soluble» in the context that contains actualizator occasional value. The reader in this case acts as a co-author, because to understand the deep meaning inherent in the text and verbalized in the occasionalism, you can only learn how to collect this meaning bit by bit. The interpretation associated with the process of perception, acts in this case as an element of artistic activity.

Keywords: artistic text, interpretation, context, meaning, occasionalism, actualization occasional value

В центре внимания лингвистических исследований последних лет оказывается проблема понимания смысла художественного текста, поскольку художественный текст построен по законам ассоциативно-образного мышления, в котором присутствует подтекстный, интерпретационный план [2, с. 114]. Интерпретация – это толкование, трактовка, раскрытие смысла текста [6], процесс, связанный с интеллектуальной базой читателя, его ментальными представлениями и требующий развития определенных навыков. «Текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности» [8, с. 159]. Читатель в тексте находит связи и отношения элементов и сложного целого, что дает ему ключ к пониманию произведения. Это понимание тем глубже, чем богаче собственный тезаурус читателя. В этой связи можно говорить о множественности вариантов интерпретации смысла художественного текста.

Цель исследования – представить один из вариантов интерпретации смысла художественного текста посредством выявления имплицитных возможностей семантического и стилистического использования окказионализмов, функционирующих в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» [7].

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужил роман А.И. Солженицына «Красное колесо». Роман является своеобразной творческой лабораторией, в которой создаются новые слова и значения, являющиеся отличительной чертой индивидуального стиля писателя.

Основные методы исследования, используемые в работе: описательный, сравнительно-сопоставительный, а также метод семного и контекстуального анализа. Основными приемами описания материала являются контекстный и лексикографический. Контекстный метод позволяет учитывать контекстуальное окружение новообразования, выявлять семантические сдвиги, происходящие в значении слова, и с большей точностью определять значение нового

слова. Объем контекста зависит от способности окказионализма служить реализации окказиональной семантики.

Результаты исследования и их обсуждение

Обращение к языковой семантике стало важным этапом в представлении механизмов интерпретации [1]. Путь, который проходит читатель при восприятии текста, может быть представлен в виде следующей цепочки: физическое восприятие текста → понимание прямого «поверхностного» значения → соотнесение с контекстом (в широком смысле этого слова) → понимание «глубинного» значения → соотнесение с фоновыми знаниями → интеллектуально-эмоциональное восприятие текста → осознание смысла текста [5, с. 227].

Б.М. Гаспаров писал: «...для того чтобы осмыслить сообщение, которое несет в себе текст, говорящий субъект должен включить этот языковой артефакт в движение своей мысли. Возможные воспоминания, ассоциации, аналогии, соположения, контаминации, догадки, антиципации, эмоциональные реакции, оценки, аналитические обобщения ежесекундно проносятся в сознании языковой личности. Процессы эти не привязаны жестко к наличному языковому выражению: они разрастаются одновременно по многим разным, нередко противоречивым направлениям, обволакивая линейно развертывающееся языковое высказывание в виде летучей среды, не имеющей никаких определенных очертаний» [3, с. 318–319]. Таким образом, смысл текста – это результат писательской рефлексии и ассоциативной деятельности читателя.

Наиболее ярким примером писательской рефлексии являются окказионализмы. В необычных семантических условиях обогащается смысловая структура слова, развиваются имплицитно заложенные в слове возможности семантического и стилистического использования, что влияет на экспрессию контекста в целом. Обладая большими возможностями выразить те или иные смысловые оттенки, окказиональные слова приобретают особое значение в контексте художественного целого, потому что они – «неотъемлемая часть идиолекта писателя, текстов художественных произведений, художественных микроконтекстов» [4, с. 8].

Роман А.И. Солженицына можно назвать творческой лабораторией, позволяющей продемонстрировать композиционное и языковое новаторство писателя. Процесс создания окказионализмов для А.И. Солженицына – сознательный творческий процесс, порождающий выявление читателем

ассоциативных связей, заложенных в тексте как эксплицитно, так и имплицитно.

Так, в портретной характеристике молодого интеллигента присутствует сложное определение ДОЛГОЛИЦЫЙ, а в описании одного из казаков, т.е. человека из народа, – слово ДРЕМУЧЕМОРДЫЙ. В качестве опорного компонента сложный автор использует основы имен существительных ЛИЦО и МОРДА, отличающихся друг от друга стилистической окраской.

В сложении ДОЛГОЛИЦЫЙ опорный компонент выражен основой имени существительного ЛИЦО, а 1-й компонент – основой прилагательного ДОЛГИЙ: «Они оба – угадали одновременно преступника на его последних шагах! Это был **долголицый**, сильно настороженный и остроумный – такие бывают остроумными – молодой еврей» [7, с. 246].

Анализируемое сложное прилагательное характеризует Богрова, сделавшего роковой выстрел в министра Столыпина. А.И. Солженицын так описывает своего героя: «высоковат, всегда худ, бледен, или с нездоровым румянцем, неестественно молодожав» [7, с. 114], «*полуболезненный*, утомленный безусый юноша в пенсне, с *передлинными* верхними двумя резцами» [7, с. 129], «*болезненный*, слабый молодой человек в пенсне, с руками слабыми и даже как бы чуть пригорбленный от физического недоразвития» [7, с. 130], «прерывисто-вибрирующий голос, ... *болезненно-вялое* лицо, на изнеженную тщедушность» [7, с. 131], «молодой интеллигент с *удлинненной* стиснутой головой» [7, с. 140], «черезильно извивнулся *удолженным* телом» [7, с. 147].

Значение сложного прилагательного ДОЛГОЛИЦЫЙ можно сформулировать как «имеющий удлиненное, вытянутое лицо или кажущееся таким вследствие болезненной худобы».

В сложении ДРЕМУЧЕМОРДЫЙ в качестве первого компонента выступает основа прилагательного ДРЕМУЧИЙ, а в качестве опорного – стилистически маркированное существительное МОРДА. Обратимся к контексту: «Казаки очень кстати пришли – один *чубатый*, один **дремучемордый**, один *растрена*, все – тигры на конях» [7, с. 361].

В толковых словарях дается следующее определение прилагательного ДРЕМУЧИЙ: «невежественный, отсталый, некультурный».

Значение сложения ДРЕМУЧЕМОРДЫЙ, исходя из значения прилагательного ДРЕМУЧИЙ и стилистической маркированности существительного МОРДА, можно сформулировать как «грубое, выражающее невежественность, отсталость,

некультурность лицо». Однако контекст содержит актуализаторы значения. Так, автор характеризует первого казака как чубатого, т.е. имеющего пышный чуб, второго как растрепу, т.е. с неопрятной, непричесанной головой, третьего как дремучемордого. Поскольку А.И. Солженицын дает описание внешности персонажей, а конкретно описание головы, то можно предположить, что ДРЕМУЧЕМОРДЫЙ – это «имеющий заросшее, небритое лицо и обросшую, нестриженную голову».

Таким образом, А.И. Солженицын, используя стилистически нейтральное слово ЛИЦО и стилистически маркированное слово МОРДА для образования сложений, противопоставляет, с одной стороны, физическую слабость, болезненность, «изнеженную тщедушность», но коварство и изощренность ума интеллигента, совершившего преступление против государства и нарушившего ход истории, и, с другой стороны, физическую силу, выносливость, а также силу духа небритого, обросшего казака, готового отдать жизнь за отчизну. Это подтверждается еще и тем, что автор намеренно использует явление межконтекстной антонимии и в сюжете (военные действия – мирная жизнь), и при описании окружающей обстановки (тишина – звуки канонады и др.), и в характеристике героев романа (ум – глупость, сообразительность – несообразительность, героизм – предательство, мужество – трусость и т.д.), и при образовании сложных окказиональных прилагательных.

Окказионализм МЕЛКОГОЛОВЫЙ, который также включается в систему текстовых противопоставлений, употреблен в следующем контексте: «...всемогущий министр, вглядываясь в перезревающего вологодского прокурора – низкорослого, мелкоголового, с низким бобриком, не слишком раскидистыми усами, а подбородком и вовсе скромно-голым, уже *очень неуверенного в себе*, но очень честного, преданного, спрашивает вдруг...» [7, с. 250].

Первый компонент сложения выражен основой качественного прилагательного МЕЛКИЙ и имеет значение «небольшой, маленький».

Необходимо отметить, что данное сложное прилагательное образовано на основе окказионального сочетания слов «мелкая голова». Традиционно определением к слову ГОЛОВА выступает прилагательное «маленькая», что находит отражение и в контексте (ср.: низкорослый (небольшого роста), низкий бобрик (небольшой волос, т.е. коротко стриженный). Исходя из этого, значение лексического окказионализма, созданного на основе окказионального

сочетания слов, можно сформулировать как «имеющий небольшую голову».

Контекст также содержит слова, актуализирующие семы 'неуверенный в себе', 'непригодный для ответственной должности'. Однако дальнейшее описание Курлова содержит прямо противоположные характеристики: «не ждать пассивной благоприятных возможных перемещений или открывающихся вакансий, но, независимо от вакансий, *самому наметить* для себя следующее благоприятственное место и *самому же* настойчиво *требовать* его», «*вырвать* уже обещанное», «будучи особенно дальнзорким» [7, с. 252]; «*вся служба есть только фундамент для пользования дарами жизни*», «не линию угождения, но – деловой любезности, а за ней – неуклонного *напора*» [7, с. 253]; «первые недели служебно-го взлета были Курлову головокружительно приятны, но весьма скоро овладело им хладнокровие, и он усмотрел недостаточность завоеванной им компетенции: нельзя было полновластно распоряжаться всем полицейским делом России...» [7, с. 257] и др.

Таким образом, Курлов, которого министр считал непригодным для ответственной должности из-за его неуверенности в себе, оказался не просто карьеристом, способным «вырвать» повышение по службе, но и амбициозным человеком, желающим быть полновластным хозяином всей полиции России ради собственных корыстных интересов, поэтому недальновидным, не внушающим к себе уважения.

В 76 главе романа употреблены словосочетания ОБЯЗАТЕЛЬНО-ПРЯМАЯ СПИНА и ОБЯЗАТЕЛЬНО-ПРЯМЫЕ ПЛЕЧИ: «*Расслабив обязательно-прямую спину и обязательно-прямые плечи*, Аглаида Федосеевна сказала Ксеньке как дочери: “Видишь сама... Это перешло границы упрямоты... Был бы теперь студентом третьего курса, никто б его не тронул... В газетах пишут нарочно так, чтоб ничего не понять... Где этот корпус? где этот Нарвский полк?... Но все-таки штамп Остроленка, и, значит, это – южный отряд Самсонова... Он – там...”» [7, с. 472].

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ – значит «безусловный для исполнения, непременный», ПРЯМОЙ – «ровный, без изгибов».

Традиционно принято говорить: «расправить плечи» (т.е. развернуть) и «выпрямить спину» (т.е. выровнять, сделать ровной, принять прямое положение). В контексте реализуются разные семы данного прилагательного, в связи с чем можно говорить о двух разных значениях одного и того же слова.

Обратимся к расширенному контексту (контексту главы), в котором встречаются

актуализаторы окказионального значения: «Аглаида Федосеевна Харитоновна была жесткая женщина, привыкшая к *положению власти*, и *власть хорошо прилегалась к ней*», «её покойный муж, добрый человек, пробоялся её от первого ухаживания и до последнего вздоха. По службе гимназического инспектора он постоянно советовался с ней, а вне службы подчинялся беспрекословно, дети знали, что все серьёзное может разрешить или запретить только мама. Городские власти очень считались с Харитоновой, и при лево-либеральном направлении её гимназии никто не осмеливался притеснить или указать ей» [7, с. 464–465]. И далее: «ироническому непочтению к властям государственным Аглаида Федосеевна не допускала распространиться внутри гимназии на *собственную власть*. Её *власть* в гимназии осуществлялась *непрекословно и неподвержно расшатыванию*. Не только все воспитанницы трепетали перед ней, но и приглашаемые на вечера гимназисты или ученики мореходного училища поднимались по лестнице в робости, что при верхе её *каменная начальница*, через пенсне оглядывая каждого зорко, тут же повернет по лестнице вниз за ничтожную некорректность одежды» [7, с. 465]. А также: «*Державно* ведя такую гимназию» [7, с. 465], «слегка повернула *величавую* голову» [7, с. 470], «Она *стягивалась в форму*. Хмурилась. Бровями возвращала *барьер*» [7, с. 472].

ОБЯЗАТЕЛЬНО-ПРЯМАЯ СПИНА и ОБЯЗАТЕЛЬНО-ПРЯМЫЕ ПЛЕЧИ – это «непременно ровная, выпрямленная спина и развернутые плечи, демонстрирующие статью, отражающие силу воли, властность человека, помогающие держать дистанцию с собеседником».

Таким образом, окказионализмы концентрируют наиболее значимые вехи в осмыслении автором человека и его окружения и являются одним из важнейших средств репрезентации индивидуально-авторской картины мира писателя. Человек, представляемый А.И. Солженицыным, наделяется различными признаками, отражающими особенности национального характера. Автору важно не столько назвать какие-либо внешние признаки или внутренние качества человека, сколько выразить то, что чувствует и переживает человек, какие эмоции он испытывает и как это проявляется внешне, т.е. автор пытается объединить внешнюю и внутреннюю составляющие образа.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод.

Окказионализмы не терпят буквального толкования. Их семантика «растворяется» в контексте, содержащем актуализаторы окказионального значения. Процесс интерпретации художественного текста включает

декодирование семантики, расшифровку воспринимаемых языковых кодов, глубинного смысла, лежащего за воспринимаемым сообщением, понимание смысла, восприятие авторской интенции. Читатель в этом случае выступает как соавтор, потому что понять глубинный смысл, заложенный в тексте и вербализованный в окказионализме, можно только научившись собирать этот смысл по крупицам. Интерпретация, связанная с процессом восприятия, выступает в этом случае как элемент художественной деятельности.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М.: Наука, 1981. – 295 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 250 с.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. Ковалевская Е.Г. Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во ЛГПИ им А.И. Герцена, 1986. – С. 22–34.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.
6. Рогова К.А. Интерпретация современного художественного текста (лингвистический аспект) // Glossos, The Slavic and East European Language Resource Center: Issue 2, Winter 2002. – 16 с.
7. Солженицын А.И. Красное колесо: Повествование в отмеренных строках в 4-х узлах. Узел 1: Август четырнадцатого. В 2 Т. – М.: Воениздат, 1993.
8. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 313 с.

References

1. Arnold I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka (stilistika dekodirovanija). M.: Nauka, 1981. 295 p.
2. Valgina N.S. Teorija teksta. M.: Logos, 2003. 250 p.
3. Gasparov B.M. Jazyk, pamjat, obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 p.
4. Kovalevskaja E.G. Vopros ob uzualnom i okkazonalnom v lingvisticheskoj literature // Uzualnoe i okkazonalnoe v tekste hudozhestvennogo proizvedenija: mezhvuz. sb. nauch. tr. L.: Izd-vo LGPI im A.I. Gercena, 1986. pp. 22–34.
5. Krasnyh V.V. Virtualnaja realnost ili realnaja virtualnost? (Chelovek. Soznanie. Kommunikacija). M.: Dialog MGU, 1998. 352 p.
6. Rogova K.A. Interpretacija sovremennogo hudozhestvennogo teksta (lingvisticheskij aspekt) // Glossos, The Slavic and East European Language Resource Center: Issue 2, Winter 2002. 16 p.
7. Solzhenicyn A.I. Krasnoe koleso: Povestvovane v otmerennyh strokah v 4-h uzlah. Uzel 1: Avgust chetyrnadcatogo. V 2 T. M.: Voenizdat, 1993.
8. Stepanov Ju.S. Metody i principy sovremennoj lingvistiki. M.: Jeditorial URSS, 2001. 313 p.

Рецензенты:

Пыхтина Ю.Г., д.фил.н., доцент, зав. кафедрой русской филологии и методики преподавания русского языка, ФГБОУ ВПО ОГУ, г. Оренбург;

Моисеева И.Ю., д.фил.н., доцент, зав. кафедрой романской филологии и методики преподавания французского языка, ФГБОУ ВПО ОГУ, г. Оренбург.